

ВВЕДЕНИЕ

Территории, составляющие ближнее зарубежье Российской Федерации, собирались Российским государством на протяжении ряда веков и включали как материнские ареалы расселения множества народов, так и регионы нового освоения, которые русские переселенцы колонизировали вместе с представителями других национальных сообществ, а также частично районы, в которых именно русское население являлось наиболее старожильской, компактно проживающей этнокультурной группой. Общим для всех этих территорий являлась только их административная принадлежность к одной из союзных республик СССР.

Как свидетельствует многовековая история России, русские являются народом государственным. Не только в смысле стержневой роли в самом Российском государстве, но и по своей плотной привязке к его территории. Практически на всем протяжении своего развития русский народ оставался максимально сконцентрированным в государственных пределах России, т.е. география расселения русских и пространственные контуры государства находились в прямой корреляции.

Присоединение новых земель влекло за собой и появление на них русских поселенцев. Но исследователи, изучавшие колониационные стратегии русских, среди разнообразных вариантов продвижения на новые земли обнаруживают и обратную последовательность. Многими русскими первопроходцами, помимо традиционных для людей авантюрного склада жажды наживы, риска, любознательности, двигало и осознание собственной государственной миссии, желание расширить пределы России. В сложном взаимодействии Российского государства со своими поданными бывали случаи, когда уходившие за рубежи страны от традиционно жесткой властной опеки свободолюбивые группы русского населения, добившись желаемого,

в дальнейшем сами же обращались к высшей власти с просьбой принять под свою руку «новую землицу».

Исключение составляли старообрядцы, группы которых с последней трети XVII в. начинают формировать первое в истории русского народа ближнее зарубежье. Однако, несмотря на достаточно широкий размах данного движения, география старообрядчества за пределами России представляла дисперсное множество поселений, часть которых в XVIII–XIX вв. вновь оказалась внутри России. Весьма ограниченной была и общая численность таких зарубежных русских, не превышавшая нескольких десятков тысяч человек.

Более масштабным оказался послереволюционный «выплеск» русского населения: в начале 1920-х гг. порядка трех миллионов человек выехало из Советской России или вдруг оказалось за ее пределами после распада Российской империи. Однако эта большая группа русских, не сумев оформиться в качестве устойчивого множества территориальных общин, начала быстро ассимилироваться принявшими их странами. А сложная политическая история 1930-х этот процесс только ускорила.

Вторая мировая война стала причиной еще одной масштабной социальной турбулентности, вынесшей в первой половине 1940-х гг. за пределы Советского Союза многие миллионы русских. Но после войны самая значительная их часть вернулась (или была насильно возвращена) в СССР. Общая численность пополнивших русское зарубежье не превышала 200–300 тыс. человек.

Этого пополнения было абсолютно недостаточно для устойчивого демографического воспроизводства русских общин Европы и Америки. Тем более что в последующие несколько десятилетий миграционная подпитка зарубежных очагов почти отсутствовала. И к концу советского периода вне Советского Союза проживало не более 1–1,3 млн русских – менее 1 % от их общей численности.

А в пределах самого СССР география русского народа, по сути, совмещалась с территорией государства. Количественный рост русских в союзных республиках продолжался на всем протяжении советского периода. По своим темпам он существенно опережал демографическую динамику русских в самой РСФСР. Если за 1926–1989 гг. русское население в ней выросло на 65 %, то союзных республик – в 4,4 раза. Этот рост был неравномерен как по десятилетиям, так и по отдельным национальным образованиям. Но даже в Азербайджане, в котором пик русского этнического присутствия пришелся на конец 1930-х гг., республиканская русская община за весь советский период выросла более значительно, чем численность русских в РСФСР (табл. 1).

Таблица 1. Прирост (убыль) численности русского населения
в РСФСР и союзных республиках СССР,
1926–1989 гг. (%)¹

Годы \ Территория	1926–1939	1939–1959	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1926–1989
Украина	62,6	61,1	28,8	14,7	8,5	319,7
Белоруссия	-4,1	41,9	42,1	20,9	18,3	176,7
Узбекистан	204,9	46,8	37,0	11,4	-0,8	577,5
Таджикистан	2150,0	94,8	30,8	14,8	-1,8	6366,7
Туркмения	210,7	12,9	19,0	11,5	-4,3	345,3
Казахстан	91,2	62,3	38,5	8,9	4,0	386,6
Киргизия	161,2	105,9	37,2	6,5	0,5	690,5
Грузия	221,9	32,0	-2,7	-6,3	-8,3	255,2
Азербайджан	140,0	-5,1	1,8	-6,9	-17,5	78,2
Армения	142,9	9,8	17,9	6,1	-25,7	147,6
Литва	-	220,8*	16,0	13,1	13,5	377,8
Латвия	-	169,9*	26,8	16,5	10,4	339,8
Эстония	-	344,4*	39,2	22,5	16,1	779,6
Молдавия	-	48,7*	41,3	22,2	11,1	185,3
Все союзные республики	64,5	60,2	30,9	12,2	6,0	337,7
РСФСР	23,8	8,9	10,0	5,4	5,6	65,2

Примечание: * – 1940–1959 гг.

Ускоренный количественный рост русского населения в союзных республиках на протяжении долгого времени определялся всеми тремя факторами демографической динамики: расширенным естественным воспроизводством, миграционным притоком и ассимиляцией. Переломным периодом в данном восходящем тренде русского этнического присутствия за пределами РСФСР становится вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг., в течение этого периода завершается демографический переход русских к современному типу демографического воспроизводства и ошутимо падают масштабы естественного прироста. А параллельно идет к концу эпоха масштабной индустриализации страны, время гигантских всесоюзныхстроек, привлекавших в республики значительное число трудовых мигрантов из центральных регионов Советского Союза. И если в 1960-е гг. русское население союзных республик выросло почти на 31 %, то в 1970-е гг. уже только на 12 %.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Более ограниченными к концу советского периода становятся и масштабы ассимиляционного пополнения русских за пределами РСФСР. Процессы этнокультурного возрождения советских народов, сыгравшие значительную роль в социальной жизни позднего СССР, начинают ощущаться в союзных республиках задолго до последнего советского десятилетия. Вместе с тем общее значение аккультурационно-ассимиляционных процессов в демографической динамике местного русского населения даже возрастало.

Следует учитывать усложненную этнокультурную структуру русского населения в пределах национальных автономий страны, тем более в союзных республиках, в которых русские являлись меньшинством. Если в имперский период этнокультурный традиционализм, характерный в это время практически для всех народов российской государственности, позволял им сохранять высокий уровень собственной этнодемографической обособленности, то в советские десятилетия масштабы межнациональной брачности выросли на порядок. А вместе с ней в составе русского населения союзных республик быстро пошла в рост группа биэтнофоров – потомства национально-смешанных браков, самоопределяющегося в качестве русских. В некоторых союзных республиках данная группа к концу советского периода составляла уже заметную часть русского населения.

Но если в 1950–1970-е гг. нарастающая биэтнизация становилась дополнительным фактором демографического роста русских (большая часть биэтнофоров выбирала русскую идентичность), то к концу советского периода положение начинает меняться. А в постсоветский период обстоятельство, ускорявшее рост русских общин, стало работать на их быстрое демографическое сжатие в пределах всего постсоветского пространства.

Однако, несмотря на все указанные выше признаки «торможения» восходящего этнодемографического тренда, нараставшие от одного советского десятилетия к другому, масштабы русского присутствия в союзных республиках продолжали расти до конца 1980-х гг. Последняя советская перепись зафиксировала за пределами СССР более 25 млн русских (рис. 1).

С этого ракурса распад Советского Союза и появление ближнего русского зарубежья, насчитывающего полтора десятка стран, стали самой масштабной трансформацией в государственно-политической системе расселения русского народа за всю его историю. Не сдвинувшись с места, десятки миллионов русских (почти 20 % от общей численности) оказались за пределами своего государства¹.

¹ Психологически для подавляющей части русского населения «своим» государством был именно Советский Союз, а не Российская Федерация, воспринимавшаяся как самая крупная, но только одна часть единой страны.

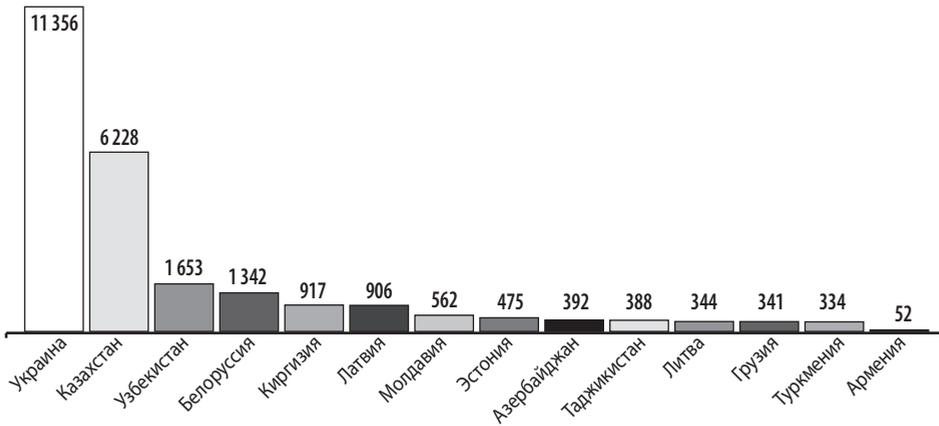

Рис. 1. Численность русских по союзным республикам СССР, 1989 г. (тыс. чел.)

Рис. 2. Доля русских в населении союзных республик СССР с начала 1990-х гг. (млн чел.)¹

В ближнем зарубежье России отчетливо выделяются несколько макро-регионов: северо-западный (страны Балтии), западный (Украина, Белоруссия и Молдавия) и два южных (Закавказье, а также Средняя Азия с Казахстаном). Динамика русских общин в каждом из этих крупных ареалов

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

обладала серьезной спецификой, хотя некоторые геодемографические тренды, как показало настоящее исследование, были общими для всей группы бывших советских союзных республик.

История появления русских в национальных регионах империи (а затем и СССР), их демографическая динамика и система расселения привлекали внимание многих исследователей. Прежде всего следует выделить работы В.М. Кабузана, ряд монографий которого создает комплексную картину развития жизненного ареала русских в XVIII–XIX вв.¹

Геодемография русского населения на национальных окраинах Российского государства, миграционные процессы, количественная, расселенческая, половозрастная и социопрофессиональная динамика русских общин не были обделены вниманием географов, демографов, этносоциологов. Большинство работ посвящено истории и/или современности русского населения в пределах отдельных национальных макрорегионов (союзных республик, постсоветских государств). Но есть исследования, анализирующие ситуацию и по всему данному территориальному поясу.

Среди работ, охватывающих проблемы всего множества русских общин постсоветского пространства, выделим работы В.М. Кабузана, Л.Л. Рыбаковского, С.С. Савоскула, В.А. Тишкова².

В работах М.С. Днестрянского, О.В. Романцова затрагиваются вопросы географии и численности русского населения Украины постсоветского периода³. И.И. Мигович, М.П. Макара, Я. Терлюк анализируют динамику русского населения отдельных украинских регионов⁴. Демографическая и миграционная динамика русской общины постсоветской Молдовы, процессы ее ассимиляции рассматриваются в публикациях Л.В. Остапенко, С.А. Сухинина, И.А. Субботиной, В.Г. Фоменко⁵.

Геодемографической истории (имперской, советской) и современности русских общин в странах Балтии посвящены работы В. Бузаева, В.В. Волкова, И.В. Никифорова, А.Г. Манакова, А. Марцинкявичуса,

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Его же*. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992; *Его же*. Русские в мире. СПб., 1996; *Его же*. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – в начале XX века. М., 1998.

² Кабузан В.М. Русские в мире. Рыбаковский Л.Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996; Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001.

³ Днестрянский М.С. Этнополитическая география Украины // *Етнополітична географія України*. Львів, 2006; Романцов В.О. Населення України і його рідна мова за часів радянської влади та незалежності (XX – початок XXI століття). Киев, 2008.

⁴ Мигович І.І., Макара М.П. Закарпатський соціум: етнологічний аспект. Ужгород: Патені, 2000; Терлюк І.Я. Росіяни західних областей України (1944–1996 рр.) (Етносоціологічне дослідження). Львів, 1997.

⁵ Субботина И.А. Демографические перспективы русской диаспоры // *Диаспоры*. 1999. № 2–3; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.

В.В. Полещука, А.А. Поммера, В.А. Тишкова, А.Н. Федотова, К.С. Халлик, О.А. Чученковой¹.

Этнодемографические и миграционные аспекты жизни русского населения Казахстана и Средней Азии анализировались в работах Л.Д. Гудкова, Н.П. Космарской, С.С. Савоскула, В.А. Тишкова. Из исследований, выполненных в последние 10–15 лет, можно выделить работы М.В. Алейникова, А.Н. Алексеенко, И.Е. Боровикова, Ш.Б. Курбанова, И.С. Савина, А.С. Салиева, Л.Л. Хоперской; Ю.Н. Цыряпкиной, В.Н. Федорко, Б. Эшмента².

Динамика русского этнического присутствия в Закавказье на разных этапах его развития в составе Российского государства и в постсоветский период рассматривалась в работах И.В. Долженко, Д.И. Исмаил-Заде, О.Д. Комаровой, Н.З. Мосаки, А.С. Юнусова, А.А. Цуциева³.

Таким образом, литература, посвященная основным аспектам геодемографической истории русских ближнего Зарубежья, достаточна обширна. Однако обобщающие исследования по этой теме в основном относятся

¹ Бузаев В. Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016; Волков В.В. Демография русского населения Латвии в XX–XXI вв. // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 177–196; Манаков А.Г. Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–30-е гг. // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 74–95; Манаков А.Г., Чученкова О.А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. Псков, 2017; Марцинкявичус А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011. № 1; Его же. Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 197–218; Никифоров И.В., Полещук В.В. Демография русского населения Эстонии в XX в. // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 155–176; Поммер А.А. Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX вв. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html>; Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124; Федотов А.Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>; Халлик К.С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 90–119.

² Алейников М.В., Боровиков И.В. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) // Мир Евразии. 2013. № 2. С. 2–8; Алексеенко А.Н. Население Казахстана между прошлым и будущим. URL: <http://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/>; Гудков Л.Д. Русские в Казахстане: доклад Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья. М., 1995; Савин И.С. Русские в Казахстане: «кто мы сейчас» // Русские: этносоциологические исследования. М.: Наука, 2011. С. 158–190; Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭАРАН, 1993. Док. № 51; Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный помочь или хранители русского мира? // Этнопанорама. № 3–4. 2012. С. 5–12; Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2015. 3 (9); Эшмент Б. Проблемы русских в Казахстане – этничность или политика? // Диаспоры. 1999. № 2–3.

³ Исмаил-Заде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX – первой половине XX века. М., 1991; Его же. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начало XX века. М., 1982; Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990; Юнусов А.С. Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане. URL: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-67.htm>; Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

к середине – второй половине 1990-х гг. Между тем речь идет о процессах, обладающих высоким динамизмом, за последние 15–20 лет сумевших существенно изменить систему расселения и географию, гендерно-возрастную структуру русских общин новых постсоветских стран, не говоря уже об их общей численности. Данное исследование призвано осветить некоторые малоизученные аспекты этой обширной темы.

Для анализа геодемографической динамики русских в XVIII – первой половине XIX в. на территориях, в дальнейшем составивших ближнее зарубежье России, использовались статистические материалы, помещенные в уже упомянутых монографических исследованиях В.М. Кабузана, дополненные количественными данными и расчетными оценками из работ значительного числа других исследователей (в т.ч. Ю.А. Борисенка, Е.И. Дружининой, Д.И. Исмаил-Заде, М.К. Любавского, А.Н. Федотова и др.).

Учитывая широкий пространственно-временной охват, исследование в значительной степени ограничивалось непосредственно геодемографическими аспектами – анализом количественной, удельной, расселенческой динамики русских. Данные по их половозрастной структуре привлекались спорадически в тех случаях, когда этот показатель оказывал заметное воздействие на динамику естественного воспроизводства.

С конца XIX в. в качестве статистической базы исследования геодемографии русских ближнего зарубежья привлекались материалы переписей населения, в т.ч. Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., советских переписей 1920–1989 гг., всероссийских переписей 2002–2010 гг., а также национальных переписей населения постсоветских стран.

Следует отметить, что после распада СССР проведение переписей населения стало внутренним делом каждого из вновь образованных государств. Сроки данных масштабных мероприятий определялись суммой социально-политических и экономических факторов развития этих стран и не совпадали между собой (табл. 2). Поэтому и результаты данных переписей оказываются далеко не полностью можно сопоставить.. Требуется серьезная экспертная доработка этой статистической информации – сведение в общую картину геодемографических процессов, протекающих на постсоветском пространстве.

Заметим также, что Украина, на которую в начале 1990-х гг. приходилась почти половина русских ближнего зарубежья, ограничилась только одной переписью (2001 г.), данные которой к настоящему времени существенно устарели. А Узбекистан, обладатель крупнейшей русской общины в Средней Азии, в постсоветский период вообще обошелся без переписей населения.

Таблица 2. Переписи населения в странах ближнего зарубежья,
1990–2010-е гг.

Территория \ Годы	1995	1999–2000	2001–2002	2003	2004	2005	2009	2010	2011	2012	2014	2015
Украина			*									
Беларусь		*					*					
Узбекистан												
Таджикистан		*						*				
Туркменистан	*									*		
Казахстан		*					*					
Киргизия		*					*					
Грузия			*								*	
Азербайджан		*					*					
Армения			*						*			
Литва			*						*			
Латвия		*							*			
Эстония		*							*			
Молдова					*						*	
Непризнанные и частично признанные государства ближнего зарубежья												
Абхазия				*					*			
Нагорный Карабах						*						*
Приднестровье					*							*
Южная Осетия												*
ДНР			*									
ЛНР			*									

Примечание: перепись населения на территории будущих народных республик Восточного Донбасса (Донецкой и Луганской) проводилась в 2001 г., когда они еще находились в составе Украины.

Прогноз численности русских общин ближнего зарубежья на среднесрочную и более отдаленную перспективу выполнялся с использованием статистической информации, позволяющей оценить текущие темпы их естественной убыли. Принимались в расчет и такие показатели русских общин, как миграционная активность и сальдо миграции; уровень межнациональной брачности, ассимиляционные потери и положительный ассимиляционный потенциал (в ряде стран ближнего зарубежья на протяжении постсоветского периода продолжался процесс обрусения части представителей русскоязычных общин).

Для каждой из данных трех компонент демографической динамики русских составлялся спектр вероятных вариантов (от негативного до положительного) и анализировались возможные их сочетания, создававшие широкий коридор изменения численности русских общин. При наличии информации по возрастной структуре русского населения для прогноза использовался и метод передвижки возрастов, позволявший уточнить сделанные оценки.

Значительный масштаб изучаемой проблемы не позволил осветить все ее аспекты с необходимой детализацией. Остается надеяться, что выполненное исследование станет отправной точкой для дальнейшего изучения данной обширной темы, более комплексного и углубленного анализа геодемографической, расселенческой, половозрастной динамики русских ближнего зарубежья.